

Дмитрий Блынский появился на страницах центральной печати в то время, когда заявила о себе сразу же нашумевшая группа молодых поэтов, которых вскоре стали называть одни модными, другие — новаторами. Он, кстати, и учился тогда с некоторыми из них в Литературном институте имени Горького. Но в отличие от них Блынский был нешумный, даже, может, слишком тихий. Богатырского сложения, наделенный ростом и статью, сельский парень, он словно бы смущался этого своего роста, своей неизысканной, здоровой непосредственности, на которую смотрели, может, свысока некоторые не достававшие ему до плеча его литературные сверстники.

О стихах говорят в этом доме поэты.
Я у двери стою, не решаясь войти.
Где ты, смелость моя деревенская, где ты?
Шла со мною сюда, да отстала в пути.

Как признание самым близким, звучат эти строки. Он, даже словно бы чуть заикаясь от волнения, признается, что стихи его угловаты, неловки, как и он сам, что строки его «землею пропахли», как пропахла полынью фуфайка». Но тем не менее заключительная строка решительна: «Я стучусь. Я вхожу. Я обязан войти». И он вошел. И оказывается, его немодность, нешумливость не помешали ему стать сразу заметным, известным среди читателей. И представил-то его впервые большому читателю поэт, о котором, к сожалению, сейчас почему-то так нечасто вспоминают, но без которого трудно себе представить современную нашу пёсню, народный, в лучшем смысле этого слова, поэт

Михаил Васильевич Исаковский, сам такой же тихий и непосредственный.

Самой яркой отличительной чертой таланта Дмитрия Блынского было то, что свистилось в нем самом, в его характере. Замечено, что люди богатырского склада, здоровяки, что называется, бывают обычно не драчливы, не складисты, снисходительны к слабым, даже в чем-то не защищены в своей широте, открытости и доверчивости. И нравственное его здоровье было такое же, так же оно было цельно и нераздельно с физическим. И потому сама горечь его военного сиротского детства (отец его умер от ран) не гнетуща, а, наоборот, тем жизнелюбивее, чем тяжелее. Он рисовал, окончив художественное училище до поступления в Литературный институт, и его пейзажи до того не замутнены и свежи, до того невозмутимо солнечны, что словно бы он и не видел в жизни угнетающих своей беспросветностью непогод, черного с багровым в поле военных ночей.

И вот что характерно: будучи подчеркнуто традиционным, ничем новым с внешней стороны не выделяющимся, наоборот, похожим на многое то, что уже так знакомо в русской поэзии, он тем не менее запечатлевался с первого прочтения. Чувствуются его любви, его приязни и пристрастия (Есенин, Некрасов, Исаковский), но это именно он сам, Дмитрий Блынский, а никто другой. Его собственная спокойная ясность души, доброта, широкая земная радость с чуть сквозящей грустинкой, а иногда печалью под радостью, скорее угадываемой, чем чувствующейся. И основой его нравственного здоровья была его орловская земля, родившая его и выросшая таким большим и сильным, ее сыны и дочери — его земляки. Все его стихи — о ней,

о них, о его любви к ним. Эта мужицкая двухильная
чуждая грубоватость, ее прямота, ее кровность. Скуп
на краски природы, но они ярки как та осень на могиле
отца его, как ярки гребни горластых петухов на родных
заборах. Живительная, шершаво-горячая плоть его об-
разов, кажется сама прикасается к тебе. Ее, кажется,
можно потрогать, а не только видеть и слышать.

Блынский, работая в ЦК ВЛКСМ, в «Комсомольской
правде», много ездил по стране.

Как жаль, что о Диме Блынском приходится писать
«был». Каким нелепым и невероятно кощунственным
кажется его столь противоестественно неожиданный
уход из жизни. Так нелепа и неожиданна всегда бывает
трагическая смерть молодого, сильного, красивого, да-
ровитого человека. Но юность его уже никогда не станет
старше. И о его поэзии не скажешь — «была». Она
есть. Будет.

Дмитрий КОВАЛЕВ.